

Протокол

Доклад барона Эвола о мистерии Грааля и имперской идее - по моему мнению, хорошая работа, которая свидетельствует о его большой компетентности. По существу, его гибеллинское понимание империи также совпадает с арийской имперской идеей, которую мы представляем. Литературой о Граале и Парцифале Эвола, кажется, овладел. За последнее время появились многочисленные новые публикации на эту тему, которые, если немецкий замок действительно был прототипом замка Грааля, указывают на Вильденберг, «Мон Саваж» (Дикая гора) в Оденвальде.

Кстати, в газете «Берлинер Тагеблатт» от 13.2.38 появилась интересная статья Эвола «Два орла», в которой он любопытным образом представляет свое понимание родства германского и римского имперских орлов.

С политической точки зрения, теория Эвола, тем не менее, как бы сильно ни приветствовали мы ее с научной точки, ставит несколько трудных вопросов. Средневековая империя с включением Италии в его оценке сегодня является весьма спорной. Ведь некоторые круги (к которым я не принадлежу) полностью отвергают Средневековую империю и итальянскую политику, также в ее гибеллинской форме. Вся запутанность создавшегося положения характеризует и то, что при этом полностью пропапски настроенные гвельфы противопоставляются антипапским Штауфенам как якобы лучшие германцы.

Потому нужно опасаться того, что публикация этой самой по себе отличной статьи в «Germanien» вызовет среди читателей определенное замешательство. Очень многие из них все еще разделяют представление о борьбе с Римом любой ценой, при этом истинные знания фактов большей частью не являются их сильной стороной. Но с такими настроениями нужно считаться, и нелегко будет представить основное различие между папским и

императорским Римом в специфически гибеллинском понимании империи. Естественно, все эти вопросы поднимаются в статье Эвола только «на полях». Но основная его мысль - духовное обоснование т.н. оси Берлин-Рим древней идеей единства Германии и Италии. Имперская мысль выходит, в конце концов, на наднациональную империю, которую, пусть даже и с преобладанием нордических элементов, я мог бы представить только с самыми большими сомнениями. Принципиально мне вообще кажется рискованным каким-либо образом ставить наш журнал на службу обусловленного злобой дня внешнеполитического стечения обстоятельств, как это уже произошло в случае с Японией.

Берлин 22.2.38.

A handwritten signature in black ink, consisting of several stylized, overlapping strokes that form a unique, somewhat abstract mark.

Немецко-итальянское общество
«Круг исследований»

Берлин-Запад, 15. 3 июня 1938

Круг исследований немецко-итальянского общества организовывает в июне в помещении Немецко-итальянского общества, Уландштрассе 171/172, Берлин-Запад, 15 (близ Курфюрстендамма) серию докладов барона Эволы из Рима.

Первый доклад: понедельник, 13 июня 1938, 20.30 ч.
«Арийское учение о священной борьбе».

Второй доклад: понедельник, 20 июня 1938, 20.30 ч.
«Грааль как северная мистерия».

Третий доклад: понедельник, 27 июня 1938, 20.30 ч.
«Оружие тайной войны».

Мы были бы рады видеть вас у себя в эти вечера. Мы будем благодарны, если вы сообщите нам о вашем решении прилагаемой открытой или по телефону (91 71 31).

Хайль Гитлер!

Преданный вам

Подпись: Дюссель

Dr. Pappe

Deutsch-Italienische Gesellschaft   Berlin W. 15. den 3. Juni 38
"Studienkreis"

XX

Der Studienkreis der Deutsch-Italienischen Gesellschaft veranstaltet im Juni in den Räumen der Deutsch-Italienischen Gesellschaft, Berlin W. 15, Unlandstrasse 171/172, (Nähe Kurfürstendamm) eine Vortragsreihe von Baron *E v o l a*, Rom.

1. Vortrag: Montag, den 13. Juni 1938, 20,30 Uhr
"Arische Lehre des heiligen Kampfes."
2. Vortrag: Montag, den 20. Juni 1938, 20,30 Uhr
"Gral als nordisches Mysterium."
- X 3. Vortrag: Montag, den 27. Juni 1938, 20,30 Uhr
"Die Waffen des geheimen Krieges."

Wir würden uns sehr freuen, wenn Sie an diesen Abenden erscheinen könnten. Für baldige Benachrichtigung auf beiliegender Karte oder fernmündlich (91 71 31) wären wir Ihnen sehr verbunden.

Heil Hitler !
Ihr sehr ergebener

Düssel

Первый доклад:

«Арийское учение о священной борьбе».

Предисловие

Цель первого доклада: подчеркнуть те мотивы нашей старой традиции, которые помогут привести к преодолению противоречия между аскетическим и солдатским, сакральным и героическим, и увидеть в борьбе и победе позитивный путь к внутреннему совершенствованию и трансцендентному возвышению личности в полной зависимости от «религиозных» предпосылок.

Во втором докладе мы попытаемся, прежде всего, снять подозрение, будто бы это совершенствование через героическое, все же, переходит в мистическо-бесформенное и субъективно-оторванное от жизни. Для этого в качестве следующей исходной точки избрана традиция Грааля. В этой традиции первое задание тесно связывается с имперской идеей и идеей боевого ордена, но при этом также со сверхиндивидуальными и историческими целями: герой, который увидел Грааль, будет проклят. Кроме того, традиция Грааля была выбрана в качестве подтверждения и потому, что рассматриваемое учение выражается элементами нордического происхождения и к тому же, опирающимися на нашу общую римско-германскую гибеллинскую реальность.

В обоих докладах подчеркивается, что речь при этом идет не о «мертвом» прошлом, а о таких содержаниях значения, которые могли бы служить более высокой исходной точкой для символов и мифов сегодняшних движений обновления.

Оккультные силы всемирного переворота стремятся предотвратить это возвышение и, следовательно, парализовать духовную власть таких символов и мифов. Третий доклад попытается разоблачить основное оружие этой тайной войны, чтобы заблаговременно предотвратить действия, которые наши противники направляют против возобновления основных мотивов

арийской традиции деятельного действия, ордена и империи в ее наивысшей и неискаженной форме.

Барон Эвола.

Наша культура стоит перед альтернативой, в которой обнаруживается основной корень ее кризиса. С одной стороны, у нас есть культура без жизни, этика неизвестного, веры, которая, в принципе, действительно мало соответствует нашему образу жизни. С другой стороны, у нас есть пароксистическое развитие всего того, что является деятельным действием, конечно, в материалистическом смысле, который почти можно было бы назвать варварским. Едва ли необходимо подчеркивать, как второй из этих обоих терминов день ото дня становится все более преобладающим. Наша цивилизация в очень существенной степени стоит под знаком действия. Прежде всего, потому, что свойственная Западу традиция - это действительно не традиция чистого познания или созерцания, а традиция действия. Все же, известное сегодня действие - это ничто иное, как депотенцированное действие, так как оно секуляризировано и лишено любой трансцендентной исходной точки. Это положение происходит из скрытых, для большинства едва ли видимых причин. Никто не рискует высказать мысль, что, христианство в некотором отношении представляет собой одну из этих причин. Эта вера, которая не является ни арийской, ни римской, а южно-семитского происхождения, проявилась - вместо того, чтобы стать дополнением нашей древней традиции - в форме резкого разрыва с нею. Психология учит, что препятствия парализуют сублимацию и превращают подавляемые энергии в болезнетворные микробы. Аналогичен диагноз и процесса, которому мы обязаны секуляризацией и материализацией нашей традиции деятельного действия. Христианско-дуалистское понимание духа лишило души нашу культуру действия. Оно преградила ей путь вверх, путь к абсолютному превращению в дух. Оно соорудило невидимый, но все

же упругий барьер, такой, что сталкиваясь с ним действия силы, обусловленные ценностями, в конечном счете не находят для своей разрядки никакой другой доступной области, кроме области материального. Из этого исходило патологическое перенасыщение этой области. Лишенное святости и всякой преображающей силы действие обязательно должно было выродиться в лихорадку и манию; оно стало действием ради действия или же действием, связанным только с обусловленными временем воплощениями. Начиная с Реформации и Гуманизма, этот процесс больше невозможно было остановить.

В этот поворотный момент нашей истории для лучших возникает необходимость бунта и возвращения к традиции снова сакрального и духовного деятельного действия. Только на этом пути арийский Запад может найти свое освобождение и принять душу, которой он действительно достоин. Только на этом пути наше героическое призвание достигнет своего наивысшего развития, и наши стремления к восстановлению смогут найти воплощение.

Сегодня вечером мы решимся совершить короткую прогулку в мир, который лежит почти погребенным под позитивистским суеверием современной цивилизации. При этом мы преследуем цель снова привлечь внимание к некоторым основным понятиям именно нашей древней общей традиции действия и ее увенчания в таинственном учении о победе.

Прежде всего, мы хотим рассмотреть «игры». Для современных людей будет поразительной новостью узнать, что переданное Ливием определение для боевых игр, турниров звучит как *res divinae*. Классический эквивалент того, чем сегодня является спорт, был чем-то священным, религиозным: это было «божественное дело», *res divinae*. Кроме того, игры в Греции и Риме были посвящены символическим образам богов и героев или

же их точно так же символически понимаемым деяниям. У них была ценность значения культа или ритуала в самом строгом смысле. Турниры, как сообщает Дион Кассий, проводились *rite facte*, ритуально. Поэтому они следуют строгой и неизменной традиции. Самое легкое нарушение влекло за собой необходимость повторять их, чтобы избежать таким образом того, что божественные силы могли бы нанести вред городу. Кроме того, в Риме были убеждены в том, что пренебрежение *sacra certamina*, святыми турнирами, вызвало бы большую опасность. В периоды общественных бедствий или политической опасности игры проводились почти в соответствии с ритуалом заклинания.

Руководителями римских игр первоначально всегда были строгие фигуры жрецов. В цирке не терпели никаких светских изображений, но цирковые представления происходили под знаком посвященных великим арийским богам алтарей и храмов. Торжественный проезд, которым начинались игры, был похож на проезд самих триумфаторов. Символы наивысших capitoлийских богов вносились в цирк, как бы для того, чтобы символизировать этим их невидимое присутствие, которое находило свое мистическое выражение, кроме того, также в наличии пустых стульев. Победоносные полководцы со своей стороны отправлялись от Капитолия к цирку, на праздник игр. Таким образом, игры оказываются теснейшим образом связанными с таинственным и сакральным, также как с героическим и триумфаторским элементом.

Античный человек ощущал тайные и божественные силы за физическим миром, за человеческими мыслями и инстинктами, за коллективностями и большими историческими судьбами. Ритуал не был для него пустой и формальной церемонией. Ритуал для традиционного человека был объективным духовным приемом, пригодным для того, чтобы влиять на эти силы, освободить их, усмирять или руководствовать в определенных направлениях. Этот

фон нужно характеризовать не как суеверие; он обусловлен трансцендентным и надрелигиозным реализмом. На этом фоне также ощутимо выделяется тайный смысл турниров.

Турниры в их более глубоком значении были ритуалом прежде всего героического характера. Они были методом, чтобы посредством определенного действия освободить божественные силы или обновить современность и эффективность божественных сил в коллективном сознании. Поэтому не должно удивлять, что таинственные числа и символы так сильно преобладают вплоть до архитектурной структуры цирков и ипподромов, что их осязаемая материальность приспособляется к вышестоящему содержанию значения. Глубоко внизу, у алтаря, посвященного божееству Консусу, подземному существу, преисполненному жадного ожидания пролитой на турнирах крови, существовало что-то вроде места прорыва подземных сил. Наверху, напротив, статуи коронованных богинь победы и олимпийских божеств и в центре их символы солнечного огня воплощали противоположный принцип, поистине божественную силу. Так физическое дело – даже если и бессознательно – поднималось на символический и сверхъестественный уровень. Цирк превращался, таким образом, в, так сказать, судьбоносный центр, – Тертуллиан говорит внушительно: в совет богов. Аналогии обосновывали таинственные взаимоотношения. Так победитель мог приобрести божественный характер, если даже не прямо-таки проявиться как мгновенное воплощение героя или Бога. Если теперь перейти от арийско-римских преданий к эллинским, то мы хотели бы напомнить только о том, что в Олимпии олимпийские игры считались основанными Гераклом, в память о метафизической борьбе, о борьбе и победе олимпийских сил над титаническими. В мгновение триумфа победитель рассматривался как проявление олимпийского Бога, Зевса.

Так мы подошли к главной точке зрения наших рассмотрений. В древнеарийских преданиях героическое опьянение и победа проявлялись как путь к внутреннему возвышению, аналогично тому, чему учили классические мистерии, и согласно чему в иницируемом смерти превращается в возрождение. В этом смысле игры, далекие от того, чтобы быть выражением суеверия, могли торжественно вызывать в памяти деяния богов и полубогов: античное могильное искусство соответствующим образом часто использовало как материал образы олимпийских победителей и торжествующих воинов, чтобы выразить уверенность умершего в совершенной и прочной потусторонней жизни. На этой основе также становится понятной уже упомянутая точка зрения на турниры как на героический ритуал, метод к пробуждению и обновлению сверхчеловеческих сил, которые народные общности воспринимали в качестве решающих для их судеб и их величия. В Риме целый ряд игр как раз были направлены на то, чтобы обновить *Victoria Caesars*, которая понималась как одаренная независимой и неразрушимой жизнью сущность.

Перейдем теперь ко второй и более высокой форме проявления духовной традиции, насколько она связана с деятельным действием. При этом нам уже скоро придется говорить о войне как о «Священной войне». Кровавым предприятиям и захватам всех древнеарийских народов едва ли можно отказать в метафизическом оправдании и трансцендентном намерении. В основанной на традиции системе мира любая действительность становится символом. Это касается также и войны. На этом основании война и «путь Бога» нередко сплавлялись в одно и то же дело.

Всем знакомы характерные свидетельства, которые предлагают нам в этом отношении нордическо-германские предания. Как известно всем, Валгалла - это местонахождение небесного бессмертия, которое предоставляется «свободным» божественного происхождения и павшим на поле сражения героям. Господин этого

места, Один-Вотан, показан нам в Саге об Инглингах как тот, кто своей символической жертвой на мировом древе Иггдрасиль указал героям дорогу, которая ведет наверх к местожительству богов, где цветет вечная жизнь, - как на светящейся горной вершине, сияющей выше облаков. Согласно этому преданию никакая другая жертва или культ не угодны наивысшему Богу, ни одна жертва не приносит более богатых надмирных плодов, чем жертва, которую приносит герой тем, что погибает в бою на поле сражения.

Но больше того: благодаря героям, которые, погибая, приносят жертву Одину, увеличивается войско тех, которые понадобятся этому Богу для последней битвы против «ragnarökkr», т.е. против сумерек богов, судьбоносного затемнения божественного, которое с давних времен угрожающе нависает над миром. В Эдде также говорится: «Как бы велико ни было число собранных в Валгалле героев, их никогда не будет достаточно, когда вырвется волк». Волк - это здесь символ темных и диких сил, усмирить и подчинить которых первоначально удалось культуре асов.

Аналогично и иранское арийское учение Митры, «воина без сна», который во главе fravashi, т.е. трансцендентальных частей своих верных, борется с врагами арийской веры. Мы уже скоро подробнее поговорим о fravashi, которые, в принципе, соответствуют валькириям северных преданий. Но сначала мы хотели бы еще прояснить общее понятие «Священной борьбы» посредством трех следующих свидетельств, которые мы возьмем из исламской традиции, средневековой традиции крестоносцев и индоарийского эпоса.

Что касается исламской традиции, то нужно сразу подчеркнуть, что идея Священной войны была идеей первоначально персидского, арийского происхождения и лишь позже была

перенята арабскими племенами. При этой предпосылке исламская традиция различает две священные войны: одна - большая Священная война, другая малая Священная война. Это различие происходит от высказывания пророка, который после возвращения из одного военного похода сказал: «С малой мы возвратились к большой Священной войне». Большая Священная война принадлежит духовному порядку. Малая Священная война - это, напротив, материальная борьба, физическая война, которую ведут во внешнем мире против враждебного народа, в частности, против язычников, неправедных или варваров. Большая Священная война - это борьба человека против врагов, которых он несет в самом себе. Точнее говоря, это борьба сверхъестественного элемента в человеке против всего того, что является инстинктивным, что определяется страстями, подчиняется силам природы. В этом смысле в одном тексте арийской воинской мудрости, в «Бхагавадгите» говорится: «Исполнением того, что по ту сторону разума, подтверди самого себя через самого себя и убей врага в образе трудно побеждаемого желания» Предпосылка для дела внутреннего освобождения состоит в том, что такой враг, «язычник» и «варвар», уничтожается внутри нас самих.

Тем не менее, в рамках героической традиции малая Священная война - т.е. война как внешняя борьба - служит только как путь, с помощью которого нужно осуществлять как раз эту большую Священную войну. По этой причине в текстах «Священная война» и «путь Бога» (Джихад) часто встречаются как синонимы. Так, в Коране мы читаем: «На пути Бога - т.е. в священной войне - сражаются те, кто жертвуют земной жизнью ради будущей: так как те, кто сражаются на пути Бога и будут убиты, или те, кто победят, получат высокую награду». И дальше: «И те, кто будут убиты на пути Бога - никогда он не поведет их дела по ложному пути. Он будет вести их и подарит мир их сердцам. И введет он их в рай, о котором он и дал им знать». Здесь делается намек на физическую смерть на войне, на

так называемую *mors triumphalis* – «победоносную смерть», что полностью соответствует классическим древнеримским преданиям. Однако то же самое учение можно понимать также и в символическом смысле. Тот, кто сумел испытать «большую Священную войну» на «малой» войне, породил в себе силу, которая делает его способным победить кризис смерти. Однако и не будучи убитым физически, посредством аскетизма активного действия и борьбы можно испытать на себе смерть, можно победить и воплотить «выживание». «Рай», «царство небесное» и похожие наименования на самом деле являются ничем иным, как символическими образами трансцендентных состояний сознания на более высоком уровне, чем жизнь и смерть.

Эти рассуждения могут считаться также предпосылкой для того, чтобы найти то же самое содержание этого понятия под внешней христианской оболочкой, которую героическое нордическо-западноевропейское предание было вынуждено накинуть на себя в крестовых походах, чтобы получить возможность выйти наружу. Гораздо больше, чем склонны считать подавляющее большинство людей, в идеологии крестовых походов освобождение Храма, завоевание «Святой земли» были точками соприкосновения с северной арийской традицией, которая ссылается на таинственный Асгард, на далекую страну асов и героев, где нет смерти, и где жители наслаждаются бессмертной жизнью и сверхъестественным миром. Священная война проявлялась как полностью духовная война, так что проповедники могли буквально сравнивать ее с «очищением, подобному огню чистилища еще перед смертью». – «Какая иная слава может быть для вас, нежели возвратиться с войны увенчанными лаврами. Но насколько же больше будет слава, если вы добьетесь бессмертной короны на поле сражения» – так говорил рыцарям-храмовникам Бернар Клервосский. «Абсолютная слава» – та самая, которую теология приписывает Господу на небесных высотах, *in excelsis Deo*, – предвещалась также крестоносцу. По этой причине Иерусалим,

вожделенная цель «малой Священной войны», представлялся в двойном аспекте, как земной город и как Град небесный, и сам крестовый поход как задача поистине ведущего к бессмертию достижения.

Переменчивые военные успехи и неудачи крестовых походов вызвали сначала удивление и замешательство. Но потом у походов было только одно воздействие: очистить идею войны от всех остатков материальности. Несчастный ход какого-либо крестового похода сравнивался с преследуемой бедой добродетелью, ценность которой может обсуждаться и вознаграждаться только относительно неземной жизни. Вместе с тем была занята позиция, которая возвышалась над победой и над поражением и концентрировала любую оценку на ритуальной стороне действия. Следовательно, истинный центр образовывала Священная война, независимо от ее видимых результатов, как средство, чтобы из активной жертвы человеческого элемента добыть славу, делающую бессмертным. Дуализм победы и добродетели здесь, естественно, находится под влиянием того всеобщего дуализма, который свойственен христианской вере. Все же и в этой позиции снова прорывается наружу более высокая точка зрения, корень и логичное место которой кроется не в христианстве, а в героической действительности арийской древности.

К этой действительности относится и та традиция, которая обнаруживается в одном индоарийском тексте, «Бхагавадгите».

То же самое учение приобретает здесь метафизическую основу. Сочувствие, которое удерживает воина Арджуну от того, чтобы он выступил против врага на поле битвы, называется Богом «трусостью, недостойной благородного и удаляющей от неба». Обещание звучит: «Если ты будешь убит - у тебя будет рай, если победишь - у тебя будет земля. Поэтому решительно иди в бой». Внутреннее направление, которое способно превратить малую

войну в большую Священную войну, в смерть и триумфирующее возрождение, описывается ясно: «Посвящая всякое свое действие мне», говорит Бог, «с пребывающим в наивысшем состоянии «Я» духом, далеким от любой мысли о владении, свободным от горячки духа, сражайся!» В таких же ясных выражениях сообщается о чистоте этого действия: его нужно хотеть ради него самого, по ту сторону всякой эмпирической цели, всякой страсти, всякой человеческой движущей силы». «Приравнивая по ценности желание и горе, преимущество и потерю, победу и поражение, вооружайся для битвы: так на тебе не будет никакого позора».

Как следующее метафизическое обоснование Бог объясняет различие между тем, что является абсолютной духовностью и как таковая неразрушима, - и тем, что как физический и человеческий элемент имеет только иллюзорное существование. С сознанием метафизической нереальности того, что можно потерять как преходящую жизнь и смертное тело, или через что можно нанести потерю другим, связывается знание той формы проявления божественного, согласно которой это является той силой, которая в непреодолимой абсолютности отправляется в путь вместе с собой. По сравнению с величию этой силы любая обусловленная форма существования проявляется как отрицание. Поэтому эта сила приходит к страшному проявлению, всюду, где это отрицание активно отрицается, то есть где в натиске атаки вырывается или уничтожается всякое ограниченное существование. Одиночки подчинены бытию, превращению, исчезновению, именно потому, что в них вспыхивает сила, над ними трансцендирует сила, которая хочет бесконечно больше того, чем они сами когда-нибудь могли бы захотеть. На этой основе можно точнее описывать энергию, которая годится для того, чтобы осуществить героическое превращение. Ценность превращается в ее противоположность: смерть будет утверждением жизни. Сакральный воин проявляется как манифестация божественного, как метафизическая сила разрушения конечного. Он активно тянет эту

силу на себя, преображает и освобождается в ней, в то время как он разбивает оковы человеческого. Внушающие слова другого, но относящегося к той же традиции текста звучат так: «Жизнь как лук; душа как стрела; мишень, которую нужно пробить – наивысший дух». С этим духом связываются, когда запущенная стрела пробивает цель. Короче, в этом состоит метафизическое оправдание войны, превращение малой войны в большую Священную войну, как она была знакома героическому индоарийскому миру.

Тем самым даны все предпосылки, чтобы продвинуться также к пониманию самого глубокого внутреннего содержания, которое лежит в основе группы классических и нордических преданий, достигая высшей точки в мистическом учении о победе. При этом исходным пунктом нам может служить наблюдение, что в классической и индогерманской древности, в общем, встречаются несколько представлений в своеобразном смешивании: представление о душе как демоне и «двойнике»; представление о богине смерти; наконец, представление о богине победы. Другими словами: речь при этом идет об идее единственного существа, которое является одновременно богиней битвы и победы, и еще оно воплощает также и трансцендентальный элемент души.

Попробуем приблизиться к духовному пониманию этих разнообразных элементов. Прежде всего, нужно проверить, какое свойство связано с «демоном» или «покровителем» или «двойником», и в каком отношении с человеческой душой мыслились эти существа. Ключ к этому дан уже в нашем указании на ту глубинную силу, по отношению к которой человеческое существование ничто иное как одно лишь голое отрицание. Только нужно добавить, что эта сила в одной стороне своего развития понималась как придающая форму энергия. Демон похож на «лары», о которых Макробий говорит: «Они боги, которые сохраняют нам жизнь. Они кормят наше тело и регулируют нашу душу». Античный человек видел в демоне или двойнике глубинную силу, которая

втайне руководит всеми теми физическими и психическими процессами, к которым нет доступа у обычного сознания, которые обуславливают, однако, наше существование и нашу судьбу. Можно говорить, что между двойником и обычным сознанием существует отношение, подобное отношению между индивидуирующим и индивидуированным принципами. Первый – это по учению древних сверхиндивидуальная сила, которая поэтому стоит выше рождения и смерти. Второй принцип обычным путем подчинен распаду и смерти. Примечательно то обстоятельство, что в скандинавской традиции представление о валькириях сливается с представлением о «fyljgva», это значит, с действующей в человеке духовной сущностью, силе которой подчинена его судьба. То же самое считается для frawashi иранского арийского предания. Как делает вывод Дармештетер, frawashi – самая внутренняя сила каждого существа, та, что поддерживает его и вызывает его рождение и существование. Одновременно frawashi, как и валькирии, это ужасные богини войны, которые передают счастье и победу. Остановимся немного на этой аналогии.

Известно, что индогерманская древность обладала исключительно аристократической точкой зрения на бессмертие. Не все избегают самораспада, угасшего кажущегося существования в Аиде и в Нифльхейме. Бессмертие – это привилегия немногих, и по существу это привилегия героев. Жить после смерти не как тень, а как полубог – это предоставлено только тем, кого особенное духовное деяние возвысило от одной природы к другой. Здесь мы, к сожалению, не можем привести все доказательства, которые ведут к следующему заключению: такое духовное деяние в техническом смысле, согласно древнеарийским преданиям, состояло в изменении самосмысла обычного человеческого сознания, которое является ограниченным и индивидуированным, к глубокой, сверхиндивидуальной, индивидуирующей силе, которая стоит по ту сторону жизни и смерти, и о которой мы говорили, что ей соответствует представление о «демоне».

Все же, демон трансцендирует каждую из конечных форм, в которых он проявляется. Поэтому резкий переход от обычного состояния «Я» к «демоническому» состоянию имеет значение разрушительного кризиса: как удар молнии вследствие потенциала со слишком высоким напряжением. Действительно такое разрушение и кризис осуществляются через смерть. Предположим теперь, что при очень исключительных обстоятельствах демон может вторгаться, так сказать, в нас и этим давать нам почувствовать его разрушительную трансцендентность; тогда у нас было бы что-то вроде активного переживания смерти, и теперь проясняется, почему образ двойника или демона в античных представлениях мог сливаться с божеством смерти. В нордическом предании воин видит свою валькирию как раз в настоящий момент смерти или смертельной опасности.

Пойдем дальше. Если религиозный аскетизм, умерщвление, отказ от собственного «Я», порыв преданности Богу это предпочтительные средства, с помощью которых берутся успешно преодолевать как раз очерченный выше кризис, то дорога к этой цели – это, напротив, в рамках героической традиции активный взлет, высвобождение элемента действия. В качестве примера низкой формы проявления этого элемента мы видим, например, танец, используемый как священный метод, чтобы через душевный экстаз вызвать и использовать скрытые в глубине силы. В высвобожденной для вакхического ритма жизни одиночки погружалась другая жизнь, как будто появление его глубокого корня. Фурии, эриннии и другие дикие духовные натуры – это античные символические образы этой силы. Поэтому они соответствуют форме проявления демона, в соответствии с его ужасной и активной трансцендентностью. На более высокой ступени стоят как раз сакральные турниры. Еще выше стоит война. На ясновидящей вершине опасности и геройского боевого размаха признавалась возможность такого переживания. Посмотрите на выражение *ludere*, играть, бороться, по Бругманну

оно содержит идею решения, растворения. Это намек на свойственную борьбе силу освобождать более глубокие скрытые силы от индивидуального ограничения и позволять им выступать свободно. Из этого исходит причина для второй аналогии. Демон и богиня смерти идентичны не только с фуриями, эринниями и другими освобожденными вакхическими сущностями, они равноценны также с девами бурь битв. Слово *frawashi* означает «ужасные, всемогущие», «те, кто атакуют в буре и даруют победу тому, кто призывает их».

Наконец, та же самая сущность принимает образ богини победы. Эта последняя метаморфоза характеризует счастливое завершение описанных внутренних переживаний. Так же, как и демон или двойник означают более глубокую силу в ее латентном состоянии по сравнению с обычным сознанием, как фурии и эриннии отражают особенную форму проявления демонических высвобождений и прорывов - так и богиня победы - это выражение триумфа над этой силой. Она означает победоносный взлет к состоянию по ту сторону опасности экстазов и подличностных форм разложения, опасности, которая всегда прячется за неистовым мгновением вакхического действия.

Она означает взлет к духовному состоянию, которое делает свободным, бессмертным, внутренне несокрушимым.

Но там, где действия духа выражаются через деятельные действия и реальные факты, там оказывается, что действительно физическое соответствует метафизическому, а видимое - невидимому. Такие духовные деятельные действия представляются нам тогда тайной душой воинственных предприятий, увенчание которых - это настоящая и реальная победа. Материальная военная победа будет тогда голым соответствием духовного факта, который обусловил победу там, где связаны между собой внешнее и внутреннее. Победа проявляется, таким образом, как

ощутимый знак инициации и мистического возрождения, которые совершались в одной и той же точке. Фурии и смерть, перед лицом которых воин материально выдержал на поле сражения, встречают его также внутри, в духовном, в форме опасного прорыва самых глубоких причин его существа. Когда он торжествует над ними, победа остается за ним. И слава, которая окружает его тогда, - это не пустой звук, а настоящая сила, метафизическое откровение, вспышка верхнего мира.

В этой связи объясняется, почему в традиционном мире каждая победа получала сакральное значение. Так встречаемый с ликованием победивший на полях сражения полководец обнаруживал переживание присутствия мистической, преображающей его силы. Так нужно понимать глубокий смысл сверхъестественного характера, прорывающегося в славе и в «божественности» победителей. От богини победы Ники дорический герой Геракл получает венок, который позволяет ему стать сопричастным с олимпийским бессмертием. Если валькирии - валькирии одновременно понимались также как те силы, которые нагоняют на врага панический ужас - переносят души героев к местонахождению бессмертия, то они также и те, которые определяют окончательную победу. Мистическая теология учит, что спасающий духовный показ совершается в славе, и христианская иконография окружает головы святых и мучеников ореолом славы. Однако, все это означает уже зачатое, искаженное наследие нашей наивысшей героической традиции. Иранская арийская традиция знала как раз уже понятую как небесный огонь славу, которая спускается на королей и вождей, делает их бессмертными и свидетельствует о них в победе. И античная царская корона с лучами символизировала как раз славу как солнечный и небесный мистический огонь. Если проверить самый глубокий смысл свойственной рыцарству точки зрения на испытание оружия, то обнаружится то же самое представление: победа равна сверхъестественному знаку правды, справедливости,

права. В силу той же мысли церемония триумфа имела в Риме более сакральный, нежели военный характер. Триумфатор ехал к храму светящегося капитолийского бога неба, чтобы положить в его руки лавры победы, и этим выражалось то, что истинным творцом победы была не столько человеческая и смертная часть победителя, сколько трансцендентный, надличностный элемент, который и приравнивал победителя к богу в образном понимании. По этой причине победитель для триумфальной церемонии надевал на себя все свойственные этому божеству символы и знаки. Свет, солнечное сияние, слава, победа, божественная королевская власть - это представления, которые в классическом и индогерманском мире появляются в самой тесной связи. В этом смысле мистическое учение о победе является для нас светящейся высшей точкой нашей общей традиции действия.

Эта традиция также еще сегодня внятно обращается к нам. Сегодня эта традиция ставит нас перед альтернативой: верность или измена. Мы здесь можем только повторить слова, которые мы поставили перед началом этой нашей мысленной экскурсии в мир древних героев. - Сегодня мы стоим перед властной потребностью быть обязанными преодолевать - будь это преодоление усталой, бескровной, сформированной из ханжески религиозных чувств или абстрактных рассуждений духовности - или же преодоление материалистической дегенерации деятельного действия. Даже если внешние и обусловленные временем формы проявления древнеарийской традиции действия и принадлежат прошлому, то присущий ей дух все же жив также еще сегодня и может выдвигать наивысшие требования к старым и заново созданным идолам.

Прежде всего: к новой жизни должен вернуться идеал той силы, которая одновременно является духом; той победы, которая одновременно является озарением и освещающей славой. Пусть варварская цивилизация по-прежнему опьяняет себя живот-

активистским и механическим жизненным идеалом – все это не интересует нас, не касается нас.

Война: скажем это громко: война не должна быть для нас ни жестокой бойней, ни печальной необходимостью, а дорогой к более высокому образу жизни и проверкой божественного послания народа.

Для древнего арийца каждая война была, впрочем, подобием вечно продолжающейся борьбы между метафизическими силами: на одной стороне стояла грубая сила, титаническо-теллурическое, варварское в классическом смысле, женственно-демоническое. Мы уже подчеркивали, что наша культура сегодня переживает годы решения, последний смысл которого самым тесным образом связан с таким познанием. После крушения нашей старой Европы, после рационалистических и индивидуалистических опустошений и всего того, что осуществили восстание масс и демония материализованного коллективизма в каждой области вплоть до конечной точки большевизма, темные силы сегодня готовятся к последнему наступлению. Этим силам точнее всего соответствуют представления древних арийцев о подземных силах, которым, в символике священной борьбы, противостоял солнечный принцип порядка с его воинством.

Сегодня это познание и этот метафизический дуализм должны быть вызваны к новой жизни и придать последний смысл нашему героическому предназначению. Должен образоваться новый фронт и объединить всех тех, которые еще держатся и являются носителем традиции. Из давних времен еще звучит внушающая формула: «Жизнь как лук; душа как стрела; мишень, которую нужно пробить – наивысший дух». Пусть это будет лозунгом новой Священной войны, принципом непреодолимого, героического и как бы метафизического размаха. Это не парадокс: вероятно, наши древние мифы о последнем решении и последней битве, о по-

новому просыпающемуся героическому войску в борьбе против вырывающейся демоники мира масс, наша солнечная традиция и мистика победы никогда не были так интенсивно актуальны, какими они будут в грядущие годы; во времена, которые придадут форму всей западной европейской судьбе.

Второй доклад:

«Грааль как северная мистерия».

В той или другой форме во всех больших традициях древности, и, в особенности, в индогерманской, снова и снова встречается представление о могущественном властителе мира; о невидимой империи, стоящей выше любой видимой королевской власти; о месте, которое в более высоком смысле имеет значение полюса, оси, неизменного центра, и которое воплощается в образе суши в середине жизненного океана, священной, неприкосновенной местности, светлой страны или «солнечной страны».

При этом метафизические значения, символы и темные воспоминания сплетаются в единое полотно. Возвышается мысль олимпийской королевской власти и небесного поручения. Традиционный принцип звучит: «Тот, кто господствует в силу (небесной) добродетели, подобен полярной звезде. Неизменно пребывает он на своем месте, в то время как все другое вращается вокруг него».

Возникает идея осознаваемого как «gakrawarti», всемирного короля; «gakrawarti», король королей, сам оставаясь неподвижным, вращает колесо державы. Невидимое как действие ветра, его действие показывает судьбоносность стихий. В тысячах форм и в самой тесной связи с представлением о нордическо-гиперборейской земле пробивается символика и аналогия местопребывания центра, местопребывания несокрушимой прочности: остров, вершина горы, солнечный замок, защищенная страна, белый остров, или остров блеска, двор героев. «Ни по земле, ни по воде нельзя достичь священной страны», говорит эллинское предание. «Только полет духа ведет туда», шепчет дальневосточная традиция. Другие тексты говорят о таинственной магнитной горе, в которую удаляются те, кому удалось достичь духовного просветления. Другие письменные свидетельства снова рассказывают о солнечной стране, из которой происходят символические фигуры, которые должны получить королевское

достоинство посреди лишенных вождей рас. Это – также остров Аваллон, т.е. остров Аполлона, бога солнца, которого кельты называли Абаллуном.

О сказочных, божественных расах вроде Туата де Даннан, которые прибывали из Аваллона, также говорилось, что они происходили с «неба». Туата принесли с собой из Аваллона некие мистические предметы: камень, который обозначает законных королей, пику, меч, сосуд, который «дарует неистощимую пищу», т.е. еду, которая никогда не заканчивается, «дар жизни». Это предметы более позднего сказания о Граале.

С высот доисторического времени этот комплекс идей спускается до средневековья и принимает в этот период свойственные эпохе формы проявления. Таковы, среди прочих, представления о царстве короля-священника Иоанна (царство пресвитера Иоанна) и о царстве короля Артура. «Король-священник Иоанн» – это не имя, а титул. О династии «королей-священников Иоаннов» говорят как о тех, которые, как род Давида, воплощали одновременно королевскую и духовную власть. Держава Иоанна часто приобретает черты «первоначального места» – «земного рая». Там растет некое дерево: дерево, которое в разных вариантах сказания появляется иногда как туя, иногда, однако, как дерево победы и мирового господства. Там можно также найти камень света: камень, который позволяет возродиться императорскому животному, орлу. Иоанн сдерживает в изгнании народ Гога и Магога – стихийные силы, демонию коллективного. Легенды сообщают о символических путешествиях, которые якобы совершали величайшие правители мировой истории в царство пресвитера Иоанна или в равные ему по значению земли, чтобы найти там что-то вроде сверхъестественного посвящения для своего положения и власти. Иоанн, со своей стороны, якобы отправлял императорам, как например «Фридриху», символические дары, которые содержат значение небесного поручения. Один из

героев, которым удалось попасть в страну Иоанна, - это Огир-датчанин. В саге об Огире, тем не менее, царство пресвитера Иоанна приравнивается к Аваллону, т.е. к гиперборейскому острову, прасеверной солнечной земле, арийскому белому острову. В Аваллон удаляется король Артур. Трагичность, которая в текстах изображается различными способами, принуждает его искать там убежище. Уход Артура имеет значение только превращения некоего принципа в латентный. «Артур» согласно саге никогда не умирал. Он все еще живет в «Аваллоне». Он снова обнаружится. В образе короля Артура можно увидеть только новую форму проявления «полярного властителя», идею всемирного короля. Историческое здесь уносится с собой и переформируется сверхисторическим. Уже древняя этимология выводит имя «Артур» от *arthos*, т.е. «медведь», что снова через астрономическую символику полярного небесного тела приводит к «идее центра». Символика «круглого стола», главой рыцарства которого является Артур, солнечная и «полярная». Согласно легендам, замок Артура, как и Митгард, светлое местожительство северных асов, находится «в середине мира» (*in medio mundi constructum*). В нескольких текстах этот замок изображается как вращающийся: он вращается вокруг себя самого, как в «белом острове», *gveta-dīpa*, индогерманцев Индии в гиперборейской стране, бог которой - это солнечный Вишну, вращается свастика, как вращается кельтско-северный «стеклянный остров» - копия Аваллона; как вращается судьбоносное колесо *eakravartī* арийского всемирного короля. Сверхъестественные черты арийского всемирного короля воплощаются, так сказать, в Мирддине, или Мерлине, неразлучном советнике Артура, который, в принципе, не является другим, отличным от него существом, а, скажем так, его дополнительной частью. Рыцари Артура будут искать Грааль. У рыцарей Артура, среди которых есть люди из всех стран, есть лозунг: «Тот, кто вождь, тот должен стать нам мостом». По античной этимологии

«Pontifex», «первосвященник», означает строителя моста, того, кто создает связь между обоими берегами, обоими мирами.

К этому добавляются темные исторические воспоминания и сохранившиеся в географических названиях отголоски древних времен. Лежащая у крайней границы «мира» островная страна, о которой говорится во многих мифах, указывает, в действительности, только на працентр в прадавних временах. Солнечная страна для греков называлась Туле. Туле соответствует Airyanem-Waejo, стране крайнего севера арийских персов. Airyanem-Waejo - это «семья» арийской иранской прарасы, в котором снова проявляется представление о короле королей, носителе закона светлого бога. Airyanem-Waejo знал империю солнечного Yima, золотой век. Но Гесиод вспоминает: «Когда тот век (золотой) закончился, те божественные люди остались и стали в невидимой форме стражами людей». Это потому, что «смысл истории» - упадок: на место золотого приходит серебряный век - век «матери», позже бронзовый век - век титанов, в конце концов железный «темный» век; кали-юга, время волка, сумерки богов. Почему? Многие мифы, кажется, хотят произвести связь между «катастрофой» и наглой заносчивостью, т.е. прометеевской узурпацией, восстанием титанов. Вновь вспоминает Гесиод: Зевс, олимпийский принцип, сотворяет род героев, которые больше чем титаны, и снова могут добиться жизни, подобной жизни богов. Солнечная прадуховность, золотой век, может быть восстановлен ими. Символ: дорический арийский Геракл, союзник олимпийцев, враг титанов и великанов.

Учение о наивысшем центре и мировых эпохах находится в теснейшей связи с учением о циклических законах и проявлениях. Без этой ссылки многие мифы и воспоминания остались в состоянии неструктурированных и непонятных фрагментов. «Это произошло однажды - это произойдет снова», учит традиция. А также: «Каждый раз, когда дух погибает и гнусность

поднимается, я проявляюсь: для защиты справедливых, для уничтожения зла, для твердого восстановления закона я от века к веку принимаю тело». Во всех традициях, в различных, более или менее законченных формах всегда можно найти учение о циклическом появлении единственного принципа, который в лежащие между проявлениями периоды остается в необнаруженном, невидимом состоянии. Вера в мессию, Страшный Суд, Regnum и т.д. - все это только фрагментарные, искаженные необузданной религиозной силой воображения передачи этого познания, познания, которое лежит в основе, тем не менее, также тех неясных представлений, предметом которых является никогда не умиравший, удалившийся в недоступное место и однажды снова появляющийся для последней битвы правитель, «спящий» император, который проснется; раненый князь, который ожидает Того, кто вылечит его и приведет империю к новому времени расцвета. Эти известные мотивы из саги об императоре возвращают нас в очень давние времена. Праарийский миф Kalki-avatara уже воплощает те же значения в разумной связи с другими, уже начертанными символами. Kalki-Avatara «рожден» в Шамбале - это одно из наименований прасеверного центра. Учение передается ему Paraçu-râma, «никогда не умершим» носителем традиции божественных героев, разрушителем восставшей, лишенной святости воинской касты. Kalki-avatara борется против «темного века» и в основном с его вождями демонов Кока и Викока, которые даже этимологически соответствуют Гогу и Магогу, подземными покоренными королем-священником Иоанном и освободившимся в темный век силами, против которых должен будет бороться также гибеллинский, просыпающийся император.

Сказание о Граале нужно выводить из этого мира идей, и понять его как исторически, так и сверхисторически можно только на основании этого традиционного учения и этой надтрадиционной символики. Тот, кто думает, что может исчерпывающе пояснить содержание мифа о Граале тем, что

определит его только как христианскую легенду, как «языческий кельтский фольклор» или как поэтическое сочинение утонченного рыцарства, тот воспримет лишь внешнюю, незначительную и несущественную часть этой литературы. Такой же дезориентирующей была бы любая попытка сделать сказание о Граале зависимым от особенного «народного духа». Мы можем объяснить: Грааль – это северная, нордическая мистерия. Тем не менее, при этом под «нордическим» нужно понимать нечто более глубокое и более всеохватывающее, чем только немецкое или даже индогерманское, и выводить это следует из гиперборейской традиции, которая, в конечном счете, является тем же самым, что и сама пратрадиция. Этой традиции можно, в действительности, приписывать все основные мотивы рассматриваемого цикла.

В этом отношении чрезвычайно важны уже сведения Персевале ле Галлуа о том, что писания об истории Грааля были найдены на острове Аваллон, который «лежит на могиле Артура». И не только это: Другие тексты называют страну, в которую Иосиф Аримафейский первоначально принес Грааль, или в которой жили некие таинственные предки Иосифа, «белый остров», «isle blanche» и остров Аваллон, «Insula Avallonis». Это снова наименования северного працентра. Если Англия изображалась как вид «страны Verne Issums» Грааля и как местность, в которой преимущественно происходят приключения, связанные с Граалем, то уже многое ведет к предположению, что речь при этом по существу идет о символической стране. Англия называлась также «Альбион» и «белый остров», Албания – ее часть, Аваллон – местность Гластонбери. Древняя кельтско-британская мифология, кажется, перенесла именно на Англию или на часть Англии определенные воспоминания и значения, которые по сути относятся к северному працентру, к Туле, солнечной стране. Истинная «страна» Грааля – она. Таким образом происходит, что империя Грааля очень тесно связана с символической империей

Артура, опустошенной империей, «la terre gaste» и королевством, властитель которого ранен, спит летаргическим сном или ослабел. Скалистый остров, стеклянный остров, вращающийся остров, the Isle of the Tournance, окруженная водами страна, недоступное место, вершина горы, солнечный замок, дикая гора и гора спасения (Montsalvatsche и Mons Salvationis), невидимый, неприступный, достигаемый только избранными, и даже ими только со смертельной опасностью для жизни замок, и т.д. Вот основные сцены всех приключений героев Грааля; они – ничто иное, как многочисленные формы проявления символического местожительства всемирного короля. Воспоминание о працентре возвращается снова и снова: в одном тексте страну Грааля называют «Эдемом». Цикл о Лозенгрине и Саксонская Хроника Хальберштадта сообщают: «Артур сидит со своими рыцарями в Граале, который был тогда Земным раем, – т.е. прастраной – а теперь стал местом «греха»».

Грааль в рыцарской литературе, собственно, это некий сверхъестественный предмет, который обнаруживает следующие основные качества: Он «кормит» – (дар жизни); он освещает (духовное просветление); он делает непобедимым. Из остальных его аспектов здесь нужно подчеркнуть, прежде всего, два:

Во-первых: Грааль – это небесный камень, который не только, как взятый Туата из Аваллона камень, назначает королей, но и обозначает властителей, которыми должны быть «короли-священники Иоанны» (Титурель).

Во-вторых: Грааль – это камень, который выпал из короны Люцифера в момент его поражения (Вартбургская война). Как таковой, Грааль символизирует власть, которую утратил Люцифер во время падения, и он также в остальных текстах сохраняет черты *Mysterium tremendum*. Как страшная сила Грааль убивает, раздавливает или слепит каждого рыцаря, который слишком сильно

приближается к нему, не будучи призванным или достойным этого. Этот аспект Грааля связан с так называемой проверкой «опасного сиденья». За круглым столом у Артура теперь все время кто-то отсутствует. Пустым остается одно место, которое в конце концов будет выделено наивысшему главе ордена. Кто займет его, не будучи ожидаемым героем, тот будет убит молнией или поглощен землей. Грааль можно достигнуть только через борьбу, «его нужно добиться в битве», говорит Вольфрам фон Эшенбах.

Мистерия Грааля делится на два мотива. Один мотив связан с символическим царством, проявляющимся как отображение наивысшего центра, которое нужно восстановить. Грааля больше нет в нем, или же он утратил свою добродетель. Король Грааля ранен, болен, стар или попал под власть злых чар, которые внешне поддерживают его жизнь, хотя на самом деле он уже много веков мертв (фон дем Турлин).

Другой мотив состоит в существовании героя, который, если он может добиться Грааля, должен чувствовать себя обязанным к такому восстановлению; в противном случае он не выполнит свое задание, и его героическая сила будет проклята (Вольфрам). Он должен уметь снова сковать разбитый меч. Он должен быть «мстителем». Он должен «задать вопрос».

О каком задании идет при этом речь? Это, кажется, то же самое задание, которое Гесиод выделил героям: тому роду, который, рожденный в эпоху упадка, должен восстановить правек, самую древнюю, изначальную эпоху. Как герой Гесиода должен преодолеть и победить титаническое, так и герой Грааля должен преодолеть дьявольскую опасность. Недостаточно лишь того, что рыцарь Грааля во всяческих естественных и сверхъестественных приключениях проявит себя как «стальное сердце» и как «самый лучший и самый смелый рыцарь в мире». Кроме этого, он должен быть «свободен от гордости» и достигнуть «мудрости» (Вольфрам,

Готье). Если Люцифер потерял Грааль, то несколько текстов (Grand St. Graal, Gibert de Mostreuil, Morte Darthur) сразу приписывают Люциферу демоническую силу, которая во время различных проверок действует против рыцарей Грааля. И не только это, а соответственно король Грааля бессильно страдает от воспаленной, отравленной раны, которую он навлек на себя на службе Orgelluse (Оргелюза), причем сразу очевидно, что Orgelluse - это ничто иное как женская персонификация принципа гордости, от французского слова orgueil. Все же, в замке той же Orgelluse другие рыцари Грааля, как например Гавэйн, проходят наивысшую проверку. Однако они не проигрывают. Они побеждают. Они сочетаются браком с Оргелюзой или «овладевают» ею. Смысл этих проверок в том, чтобы воплотить чистую силу, духовную мужественность, поднять героическое качество на олимпийский, королевский, солнечный уровень, оторванный от всякой власти хаоса. «Земное рыцарство должно быть небесным», как можно прочесть в Queste du Graal. Только при этом условии дорога к замку Грааля открыта и можно сесть на «опасное место», не будучи при этом разбитым, как были разбиты титаны молнией олимпийского бога. В качестве свойственных основных мотивов всего цикла Грааля нужно рассматривать, тем не менее, как уже говорилось, следующее: герою, который в таком завершении неземного рыцарства дошел сюда, следует выполнить следующее, решающее задание: Если его однажды пустят в замок Грааля, то он должен проявить сочувствие трагичности раненого, парализованного или только внешне живого короля Грааля и проявить инициативу для абсолютного восстанавливающего действия. Это неоднократно в загадочной форме выражается текстами: Герой Грааля, например, должен «поставить вопрос». Какой вопрос? Здесь, кажется, авторы предпочитают молчать. Создается впечатление, как будто в этом моменте что-то мешает авторам говорить, и что банальное объяснение дается лишь для маскировки настоящего ответа. Если проследить, тем не менее,

внутреннюю логику всех рассказов, то почти однозначно становится очевидным, о чем на самом деле идет речь: вопрос, который нужно задать, это имперский вопрос; речь идет не о том, чтобы знать, что означают определенные предметы в замке Грааля, а о том, чтобы прочувствовать трагичность упадка и, после того, как уже однажды было достигнуто это завершение, которое означает видение Грааля, затронуть вопрос восстановления. Только на этой основе все объясняется, и становится понятной чудотворная добродетель этого загадочного вопроса: Так как герой, который не равнодушен, и ставит вопрос, то этим вопросом он освобождает империю. Тот, кто был только внешне жив, исчезает; тот, кто был ранен, излечивается. Во всяком случае, герой как новый, истинный король Грааля становится на место предшествующего. Начинается новый цикл.

Согласно нескольким текстам мертвый рыцарь, который, похоже, напоминает героя о его мести и задании, появляется на колеснице, запряженной лебедями. Лебедь - это животное Апполлона в стране гипербореев, в северной прастране. Лебеди везут рыцарей Грааля из наивысшего центра, где господствует Артур: из Аваллона.

В других текстах героя Грааля называют «рыцарем обоих мечей». Однако в теологически-политической литературе того времени, прежде всего, в гибеллинской, оба меча значили ничто иное как двойную власть, двойное господство: временное, преходящее и сверхъестественное. Один классический текст говорит о гиперборейской стране как о той, из которой происходят роды, вроде рода Гераклидов, которые объединяли в себе королевскую и священническую власть.

Недоступная и неприкосновенная империя Грааля - это также действительность в той же форме, в какой она не привязана к какому-либо месту, к какой-нибудь видимой организации или к какому-нибудь земному королевству. Это родина, к которой принадлежат не по физическому рождению, а по духовному достоинству. Эта империя объединяет, в неразрывной цепи мужчин, которые могут быть рассеяны во всем мире, в пространстве, во времени, среди народов, причем рассеяны настолько, что они кажутся обособленными, и никто из них не должен знать о другом. В этом смысле империя Грааля существует всегда, как королевство Артура и царство пресвитера Иоанна, как Туле, как Митгард и Аваллон. Она неподвижна из-за своей «полярной» природы. Следовательно, она не ближе и не дальше относительно потока истории. Скорее это потоки истории, люди и их империи, которые более или менее могут приблизиться к ней.

Но похоже, что гибеллинское средневековье в определенное время в высшей степени обнаружило такое сближение и предложило, так сказать, исторически-духовный материал, посредством которого империя Грааля была бы не только оккультной, но и видимой, и, как в самых древних преданиях, стала бы не только внутренней, но одновременно и внешней действительностью. На этом пути можно представить, что Грааль образовывал увенчание средневекового императорского мифа и наивысшее кредо Гибеллинов. Такое кредо действительно следует искать скорее в сагах, чем в жизни и в ясной, политической воле того времени. Этим также выражается то, что глубже всего и опаснее всего движется в отдельном человеке, не столько через образование форм отражающего сознания, сколько через символику сна и подсознательной первичности.

Средневековье ждало героя Грааля, после чего «сухое» дерево империи снова расцвело бы, всякая раздробленность, всякая узурпация, всякое противостояние были бы разрушены, и

действительно восторжествовал бы солнечный порядок. Империя Грааля, которую нужно было привести к новому блеску – это сама Священная Римская империя немецкой нации. Герой Грааля, который стал бы «повелителем всех существ» и тем, кому была бы передана «наивысшая власть», был бы историческим императором, «Фридрихом» («Fridericus»), если бы он стал исполнителем мистерии Грааля или гиперборейской мистерии.

История и свехистория, кажется, встретились в одно мгновение: появился период метафизического напряжения, апогей и наивысшая надежда – а позже снова крушение и рассеяние.

Вся литература о Граале, кажется, уместается в короткий период: ни один текст, как нам кажется, не был написан до последней четверти двенадцатого столетия и после первой четверти тринадцатого столетия. В конце первой четверти тринадцатого столетия внезапно, как бы повинувшись тайному паролю, прекращают говорить о Граале. Только через много лет и в уже совсем другом настроении о Граале начинают писать снова. Это выглядит так, как если бы в определенное мгновение наружу вырвалось подземное течение, которое, однако, вскоре после этого снова удалилось в невидимое (Вестон). Время этого погружения традиции Грааля приблизительно соответствует преддверию трагедии рыцарей-тамплиеров. Вероятно, там кроется исходный пункт к крушению.

У Вольфрама рыцарей Грааля называют «Templeise» или тамплиерами, хотя у него ничего не говорится ни о каком храме. В определенных текстах рыцари-монахи с таинственного «острова» носят тот же знак, что и тамплиеры: красный крест на белой одежде. В других текстах приключения Грааля передают настроения конца света: Герой Грааля действительно совершает «мечь» и восстанавливает империю. Тем не менее, после этого голос с небес объявляет ему, что он должен удалиться с Граалем

на некий таинственный остров. Кораблем, который приходит, чтобы забрать его, является корабль тамплиеров: у него белые паруса с красным крестом.

Тайные союзы, похоже, подобно расходящимся кровеносным сосудам после крушения императорской культуры сохранили старые символы и предания цикла о Граале: гибеллинская «верность любви», более поздние миннезингеры, герметисты. Это дожило вплоть до движения розенкрейцеров. У розенкрейцеров снова появляется тот же миф: солнечный замок, император как «властитель четвертой империи» и разрушитель любой духовной узурпации; невидимое братство трансцендентных, объединенных исключительно своими намерениями и своим существом личностей; в конце концов странная тайна возрождения короля, тайна, которая превращается в констатацию того, что король уже жив и бодрствует. Тот, кто присутствует на этой мистерии, несет знамя тамплиеров: белое полотнище с красным крестом. Также животное Грааля, голубь, присутствует здесь.

Тем не менее, тайный пароль, кажется, был дан также и здесь. В определенное мгновение всюду внезапно прекращают говорить о розенкрейцерах. По традиции последние настоящие розенкрейцеры в то время, когда абсолютизм, рационализм, индивидуализм и Просвещение уже подготавливали путь Французской революции, покинули Запад и удалились в «Индию».

Индия здесь является символом. Она означает местопребывание короля-священника Иоанна, арийского всемирного короля. Это Аваллон. Это Туле. Согласно одному тексту темные времена наступили в Сальватиерре, где находятся рыцари Монсальвата. Грааль там не мог оставаться дольше. Его перевозят в «Индию», в царство короля Иоанна, которое лежит «близ рая». Когда рыцари Грааля однажды высадились там, то там же внезапно и чудотворно появляется также Монсальват и его

замок, так как «среди грешных народов ничего от этого не должно было остаться». Сам Парсифаль занимает место «пресвитера Иоанна». О Шамбале, таинственном «городе севера», куда ведут «северные дороги» или «пути арийских богов», devayana, у тибетских аскетов говорится: «Она лежит в моем духе».

В любом конце кроется новое начало. Сегодня разрушается мир упадка. Новые силы прорываются из глубин. Готовится решающая битва. Вызываются древнейшие символы: под знаком свастик, орлов, романско-гиперборейских топоров маршируют новые народы. Миф империи снова переживает свое возрождение. Уже говорят о новом государстве, которое должно быть государством ордена: о новом ордене, который должен объединить все европейские силы, которые борются против демоники коллективизма и темного потока Третьего Интернационала. Вместе с тем, вероятно, также постепенно созревают новые времена: времена, в которых мифы нашего общего гибеллинского величия, невидимого, неприкосновенного центра, арийского властителя, который должен проснуться, мстящего и восстанавливающего героя уже не будут считаться баснями пропавшего романтического прошлого, а проявятся как правда и действительность тех, кого по праву можно рассматривать в качестве единственных живых.

Следовало бы приветствовать, если бы, в особенности, духовный авангард немецкого движения обновления дал бы себе самый ясный отчет об этом и на этой основе пробудил бы в себе способность находить в своих сегодняшних мифах путь, который действительно мог бы сделать возможной обратную связь с истоками, с тайной традицией империи и мистерией севера.

Третий доклад:

«Оружие тайной войны».

Существует тайная война: это война, которая ведется «под землей» силами всемирного переворота с применением средств, которые почти всегда уклоняются от знакомых методов исследования. Понятие тайной войны принадлежит, так сказать, к трехмерному пониманию истории; при этом принимаются в расчет не оба измерения видимых причин, событий и вождей, а преимущественно измерение глубины. В этом подземном измерении кроются силы и влияния, действие которых является определяющим фактором, и которые часто нельзя даже свести к просто человеческому – индивидуальному или коллективному. Мы хотели бы прояснить, прежде всего, смысл использованного нами определения «под землей». Под этим мы подразумеваем отнюдь не темное нерациональное подполье, которое так же соотносится с известной всем частью истории, как в отдельном человеке бессознательное соотносится с бодрствующим сознанием.

О бессознательном здесь можно говорить только по отношению к тем, кто согласно трехмерной точке зрения на события проявляются нам не столько как субъекты, сколько как объекты истории, ибо в своем мышлении и действиях они не отдают себе отчет о настоящих влияниях, которым они повинуются, и об истинных целях, которые они осуществляют. Таким образом, их центром является скорее предсознание и подсознание, чем ясное, размышляющее сознание, и в этом отношении можно, пожалуй, говорить, что действительно самые решающие действия тайной войны ведутся в подсознательном. Однако с точки зрения настоящих творцов истории ситуация выглядит совсем по-иному; здесь никак не может идти речь ни о подсознательном, ни о бессознательном. Мы тут имеем дело скорее с чрезвычайно умными силами, которые точно знают, чего они хотят, и какие средства являются наиболее подходящими для исполнения того, чего они желают. Предположить, что основа истории образована «иррациональным», «жизнью», «бытием» или другими этими неясными, недавно придуманными сущностями, это было бы только

философией и очень опасной ошибкой: как будет показано позже, мы видим в этом даже одно из тех внушений, которые распространялись с определенной целенаправленностью силами тайного фронта в определенных кругах.

Итак: третье измерение истории не может исчезать в тумане абстрактно-философских понятий, а должно пониматься как занятое и населенное очень точными «умами». Если определенные тайные союзы и могут быть непосредственным органом этих сил, то, тем не менее, нельзя настаивать на этом и предполагать, что этими последними исчерпываются сущность и действие невидимого врага, так как речь при этом идет о борьбе, которая, в конце концов, является метафизической. Согласно одному из различных распространенных на Западе пониманий истории нужно видеть в истории не какой-либо механизм природных, политических, экономических или социальных причин, но развитие плана - «соответствующего провидению» плана - которому оказывают сопротивление соперничающие силы с их историческими носителями. Такие силы иногда моралистически обозначаются как «силы зла» или в религиозно-христианском духе как враждебные христианству силы или силы антихриста. В самой по себе такой точке зрения что-то есть, но лишь при следующих трех условиях: ее нужно перевести с теологического на практический уровень, она должна быть общим методологическим принципом для углубленного знания событий, ее нужно обобщить и освободить от односторонне христианских предпосылок, так как она верна также относительно нехристианских культур.

Если говорить по существу о человеческих учреждениях, то лучше сразу говорить просто о силах традиции и силах антитрадиции, о силах духовной иерархии и космоса и о силах революционного свержения и хаоса. Сегодня как никогда есть необходимость заняться такими мыслями, которые нельзя путать с философскими спекуляциями, а нужно рассматривать в качестве

необходимого оружия для правильного деятельного действия. Мы хотели бы напомнить одно очень характерное место из «Сионских протоколов»: «Чисто животный ум гоев не способен к анализу и наблюдению, а тем самым к предвидению; в этой разнице способности мышления между гоями и нашими (Сионскими мудрецами) можно ясно узреть печать избранности и человечности, в отличие от инстинктивного, животного ума гоев. Они, возможно, понимают только «факты», они зрят, но не предвидят и не изобретают (разве только материальные вещи). Из этого ясно, что сама природа предназначила нам руководить и править миром». Этот документ, который делает еврейство главным преступником всемирного свержения, говорит о неевреях (гоях): но если мы перенесем это определение, в общем, на всех тех, кого мы обозначили как «объекты» истории, тогда эта оценка гоев окажется еще сегодня ужасающе точной. Образ мыслей большинства сегодняшних «людей действия» представляется – в сравнении с образом мыслей их скрытых противников – действительно детским. Они концентрируют все свои силы на непосредственно осязаемом, и они неспособны охватывать причинно-следственные связи по ту сторону в высшей степени ограниченного и почти всегда резко материалистического горизонта.

Тайный фронт, напротив, работает с тем, что мы охотно хотели бы обозначить взятой из позитивистских наук аналогией, неизмеримым или неизмеримыми количествами. Он очень часто вызывает изменения, которые почти неуловимы, но от которых исходят медленные, но вызывающие судьбоносные изменения воздействия. Он почти никогда не оказывает прямого сопротивления, но действует с помощью целенаправленного управления, которое ведет силы к желаемой цели. То, что Вундт однажды назвал «гетерогенией целей», играет при этом главную роль: определенные люди или круги, которые полагают, что осуществляют только что-то желанное им, на самом деле служат

инструментами, чтобы осуществлять или делать возможным что-то совсем другое, в чем выдает себя вышестоящее влияние и «смысл». Поэтому «дифференциал» между желаемым и произошедшим, между принципами и программами и их истинными последствиями в истории дает нам самый ценный материал для исследования настоящих сил, которые действуют в истории.

При такой предпосылке мы хотим рассмотреть несколько средств, которые чаще всего применяются в наши времена скрытыми силами всемирного свержения, чтобы маскировать свои действия, заранее нейтрализовать своих противников и постоянно оказывать свое влияние.

1) Позитивистское внушение. Нужно, прежде всего, уяснить себе, что так называемый «позитивистский» метод рассматривать историю и события, это скорее внушение, которое в современной культуре систематически распространялось антитрадиционными силами для маскировки своих действий, как стихийное появление или свойственное очень ограниченному образу мыслей предубеждение. Тот, кто верит, будто историю творят исключительно люди, и что она определяется лишь экономическими, политическими и социальными факторами, тот смотрит недалеко и путает причины со следствиями. Как раз этого и желают те силы, которые стремятся действовать «под землей». Подчиненная «позитивистским» предубеждениям культура дает наилучшую предпосылку для действий из третьего измерения. В значительной степени это происходит, к сожалению, в современной культуре. Из-за позитивистских, рационалистических и научных предубеждений она буквально стала неспособной, слепой и беззащитной культурой. Сегодня хоть и говорят об обновлении, но пока еще очень далеки от того, чтобы сорвать маску со столь многих идей, которые все еще образуют основу современного образа мыслей и современного образования: идей, которые являются не столько ошибками или следствиями

ограниченности, сколько внушениями, которые намеренно распространялись заговорщиками, жаждущими разрушения и господства.

Мы уже говорили об определенных пониманиях истории, которые больше не настроены «позитивистски» и берут за основу «бытие», «жизнь» или «дух». Мы можем увидеть в этом пример применения второго инструмента тайной войны, а именно:

2) Тактика подмены. Она применяется каждый раз, когда опасность «пробуждения» становится ощутимой, и «объекты истории» пытаются освободиться от идей, с помощью которых оккультная игра сил всемирного свержения легко побеждает. Как раз в этом показанном случае эти неясные понятия «бытия», «жизни», «бессознательного» и т.д., в действительности, представляют собой только приманку для тех, кто больше не довольствуется позитивистскими схемами, дабы их взгляд не направлялся туда, куда следовало бы смотреть. Поле зрения скрывается туманом таких понятий так же хорошо, как и темной ночью позитивистского агностицизма. Здесь играют с философией и мировоззрением, в то время как заговор продолжает двигаться дальше.

Тактика подмены развивается также таким характерным и эффективным способом как

3) Тактика фальсифицированных копий. Речь идет о следующем: воздействия разрушительной работы могут распространиться до материального и принять настолько видимую и крайнюю форму, что они в конце концов вызовут ответную реакцию. Эта реакция затем неясным способом ищет символы и мифы, которые пригодны для восстановления, и даже может найти таковые. Речь почти всегда идет о символах и отправных точках из традиционного прошлого, которые пробуждаются к новой жизни

более глубокими силами у находящейся под угрозой окончательного разрушения расы. В таких случаях тайная борьба добивается своих целей не через непосредственные акции, т.е. этим символам внешне не оказывается никакого сопротивления, скорее стремятся к тому, чтобы позволить появиться, действовать и распространиться только фальшивкам, имитациям и искажениям. Вследствие этого реакция либо сдерживается, либо отклоняется или даже искажается в противоположном направлении. В этом направлении затем используются те же влияния, которые действовали в зле и в упадке, те самые, которые должны были быть преодолены, и против которых как раз и пытались обороняться. Эта тактика может происходить в различных областях, как в духовной, так и в политической сфере, и кажется сегодня особенно популярной. Стоит представить примеры этого.

Самый типичный случай - «традиционализм». Традиция - это связанность с метафизическо-формирующим. Традиция - это тайна всего того, у чего есть форма в более высоком смысле, следовательно, того, что означают раса и культура в более высоком смысле. Непрерывность, т.е. неразрывность, преодоление временного в пределах временного, - это традиция, и этим качеством традиция обязана наличию как знания символов и принципов и содержания значения, которые являются сверхиндивидуальными и сверхисторическими, так и правящей элиты, которая легитимирует себя как раз с помощью этой вышестоящей действительности. Но в современном мире часто случается так, что неопределенная тоска по возвращению к традиции отклоняется в форму «традиционализма», т.е. в форму неопределенных предположений в дилетантском или агрессивном духе, которые путают традицию с обычаями и рутинной, скатываются в астматический партикуляризм и лениво закосневают в определенных традиционных формах, не зная ничего об их духе. Как таковые, «традиционалистские» конструкции представляют

собой лучший предлог для игры их противников, легкое нападение которых на традиционализм это только прикрытие их борьбы против традиции, и настоящей целью этого нападения является содействие революционному свержению. Тем самым предотвращается реакция, и этот маневр блестящим способом приводит к желанному результату. Нужно быть очень внимательным, чтобы нечто подобное не произошло с основными идеями сегодняшних новаторских движений - или с идеей расы и имперской идеей, римской идеей, арийской идеей и т.д. Можно с уверенностью утверждать, что среди этих идей нет ни одной, которая не могла бы подвергнуться опасности подобных искажений, так как противник очень хорошо знает, какое излечивающее действие могло бы произойти из этих идей, если бы им в своей самой настоящей и наивысшей форме удалось добиться прорыва.

В одном докладе, сделанном в декабре также в рамках Немецко-итальянского общества, мы уже рассматривали этот вопрос, в данном случае в связи с нордизмом и нордической традицией. И наши оба предыдущих доклада могли бы, вероятно, означать уже подобный вклад относительно традиционной точки зрения на деятельное действие и на империю?

4) Тактика переворота. - Тайные силы всемирного свержения, несомненно, очень точно знали, что предпосылкой разрушаемого порядка является сверхъестественный элемент, дух, понимаемый не как философская абстракция, а как более высокая действительность, конечная цель процесса трансцендентного завершения личности и легитимации всякого истинного господства. После того, как было ограничено влияние, которое еще могло оказывать в этом отношении последнее западноевропейское вероисповедание (мы не можем здесь исследовать средства, которые использовались для этого), силы свержения должны были стремиться к тому, чтобы каждое новое просыпающееся вне господствующей религии стремление

отклонялось в сторону сверхъестественного и парализовалось. То, что мы, ссылаясь на различные теософские, спиритические, псевдovосточные и «оккультные» секты современности можем назвать неоспиритуализмом, нужно рассматривать преимущественно как результат такого маневра. При всем этом речь снова идет почти исключительно об искаженных картинах, имитациях и искажениях духовного знания, в чем виноваты кружки недоучек и фантазеров, которые, кажется, в этом отношении часто становятся жертвами действительно демонического влияния.

Тем самым был достигнут двойной результат. Прежде всего, было легко ту дурную славу, которую, в конце концов, должны были приобрести эти имитации, перенести на учения сами по себе, вследствие чего эти последние оказались в таком положении, что уже не могли оказывать опасного влияния. В последнее время этот маневр, кажется, проводится также политическими средствами: существуют, например, круги, которые всюду видят только «франкмасонство» и тайные общества, везде, где речь идет об эзотерических символах, даже если эти символы опираются на древние традиции, не имеют ничего общего с лжеучениями франкмасонства и обнаруживают духовно-аристократические черты. К этому добавляется позитивистское предубеждение, которое во всем этом видит только суеверия и фантазии.

Во вторую очередь оказалось так, что с помощью неправильно понятых «упражнений» большинство из тех, кто практически стремился к трансцендентному, были направлены не в сторону сверхъестественного, не вверх от природы человека, а вниз, в сторону подестественного, т.е. к «бессознательному», к использованию медиумов и, в общем, к миру, который бесконечно далек от того, чтобы означать возвышение нормальной личности, и может привести только к ее крушению и разложению, причем человек непосредственно станет неосведомленным инструментом

самых темных влияний. С помощью «неоспиритуализма» всемирный заговор устранил опасность, которую могло бы представлять для тайного фронта истинное сверхъестественное в современной антиматериалистической культуре, и теперь этот фронт с удовлетворением смотрит на тех, кто провозглашает тайное учение о сверхчеловеке в теософских кружках старых дев, неполноценных людей и недочеловеков, или на других, которые пляшут под дудку рационалистическо-политических идолов.

5) Тактика обратного удара. - Она осуществляется, когда одна из сил, которую хотят убрать ввиду ее еще традиционного характера, побуждается к тому, чтобы проявить инициативу к действию, которое в первый момент направляется против похжей, т.е. тоже традиционной силы; когда эта сила погублена, она обращается против первой силы и утягивает ее с собой на дно. Тайные силы всемирного свержения с помощью подходящих проникновений часто добиваются своей цели, так что представители одной традиции считают, что они лучше всего смогут защитить свою традицию тем, что будут атаковать и дискредитировать другие традиции. Тот, кто не отдает себе отчет в этом и из материальных интересов нападает на традицию в виде другого родственного по культуре народа, должен ожидать, что, рано или поздно, и его традиция будет атакована каким-либо движением, так сказать, обратным ударом. Силы всемирного свержения очень рассчитывают на эту тактику: следовательно, они всеми средствами стремятся к тому, чтобы каждая более высокая идея оставалась под тиранией партикуляристских, сепаратистских интересов, стремлений к прозелитизму, гордости и корыстолюбия. Они очень хорошо знают, что это лучший метод, чтобы разрушить всякое единство и настоящую солидарность и содействовать состоянию раздробленности, в котором их игра становится очень легкой. Похоже обстоят дела и при всяком макиавеллистическом применении революционных сил. Некоторым близоруким

государственным деятелям порой казалось, что при определенных обстоятельствах укреплению их народа способствовало бы содействие или поддержка революций у соперничающих наций. Не предвидя этого, они пришли к противоположному результату. Хотя они думали, что воспользуются революцией как средством, на самом деле это революция сделала их своим инструментом: после того, как она нашла у других народов подготовленные благодаря этим политикам пути, революция также почти всегда добиралась до самих этих политиков и свергала их. Можно сказать, что вся современная история была сценой свержения, которое трагически осуществилось как раз этим путем. В этой связи всегда следует неустанно подчеркивать, что только безусловная, аскетическая, непоколебимая верность идее может защитить от сил оккультной войны; если способность к этой духовной верности и солидарность в виде чего-то вроде священной войны пропадает, тогда повинуются случайным мотивам так называемой реалистической политики, тогда ломается фронт сопротивления, и вместе с тем также пропадает возможность любой настоящей самостоятельности и свободы.

Мы хотели бы упомянуть одно из последних проявлений такой тактики: «принцип национальностей» и «антиимпериализма» – это мифы, которые были изобретены масонскими и еврейскими закулисными кукловодами стран Антанты для мобилизации всех сил против Центральных держав и для их уничтожения; однако за прошедшее время они стали идеологиями, которые в будущем лучше всего смогут содействовать, например, всеобщему восстанию всех цветных народов против европейских великих держав и их претензий на доминирование. Неудивительно, что по этой причине такая идеология перешла в руки Коминтерна и стала важным инструментом большевистской пропаганды за пределами Европы.

б) Тактика козла отпущения. – Как только тайные силы всемирного свержения чувствуют опасность своего разоблачения в

некоторых аспектах, тогда они сразу же беспокоятся о том, чтобы направить и сконцентрировать все внимание своих противников на определенные элементы, которые только частично или только второстепенным способом могут рассматриваться как ответственные за их преступления. Вся реакция тогда «разряжается» на эти, ставшие настоящими козлами отпущения элементы. После этого оккультный фронт может совершенно свободно продолжать свою игру, так как его противники думают, что они уже раскрыли врага и им незачем искать что-то еще. Как инициаторы антисемитизма в Италии мы, конечно, не можем вызвать к себе подозрение: поэтому мы иногда призывали определенных радикальных антисемитов к тому, чтобы они были внимательны и не попали в ловушку подобного рода, видя повсюду и во всем одних только евреев. С таким же призывом можно было бы обратиться и к тем, которые всюду видят только масонов, и так далее, так как такая тактика действенна также во многих других областях. Тем самым мы, конечно, ничуть не хотим преуменьшать масштаб вины, например, евреев и масонов, скорее поднять вопрос, не определяли ли еще более глубокие и более таинственные силы функциональную роль еврейства и франкмасонства в современности, и мы убеждены, что было бы уж слишком хорошо, если бы с освобождением от еврейства и масонства можно было бы сразу вступить в золотой век, во что искренне верят некоторые. Нужно остерегаться любой односторонности и никогда не терять из поля зрения полной картины настоящего тайного фронта.

Теперь к: 7) Тактика разбавлений. - Она представляет собой особый аспект «тактики подмены». Чтобы понять, о чем идет речь, нужно сначала сказать следующее. У процесса, который привел к сегодняшнему всеобщему кризису, есть дальние истоки и различные фазы. В каждой из этих фаз кризис уже имелся в наличии, хотя еще не в острой, скорее потенциальной, нежели актуальной форме. Учение о «прогессе» может рассматриваться в

качестве одного из тех внушений, которые распространяют тайные силы всемирного свержения, чтобы отвлечь взгляд от истоков, и процесс упадка продолжался все дальше под знаком иллюзорных ценностей, прежде всего, иллюзии «достижений» технико-механической цивилизации. Трагический опыт последних лет тем не менее привел к тому, что этот гипноз частично уже принялись изгонять, начав давать себе отчет о том, что темп этого мнимого «прогресса» означал только темп гонки к пропасти. Тогда новым лозунгом стало остановиться и возвратиться к истокам, что понималось как единственный путь к новой нормальной культуре. В ответ на это тайный фронт мобилизовал новые средства для предотвращения всякого радикализма. Прежде всего, этот фронт изобрел и распространил лозунг «несоответствия духу времени»; затем он смог направить снова стремящиеся к истокам силы на ситуации, в которых кризис и зло присутствовали в более мягких и, следовательно, менее ощутимых формах. Также эта ловушка удалась. Руководители всемирного свержения знают, само собой разумеется, что с этого мгновения больше не существует большой опасности: реакция скоро вступит на тот же путь и снова окажется в исходной точке, но теперь уже не имея возможности еще сопротивляться окончательному крушению.

Можно было бы привести многочисленные исторические примеры также и этой тактики. Руководители сегодняшних контрреволюционных движений должны были быть очень внимательны к этому. Например, определенные черты сегодняшнего национализма следует тщательно проверять именно исходя из этой точки зрения. Каждый знает о подрывной и антииерархической роли, которую сыграло демагогическо-коллективистское понятие «нация» по отношению к предшествовавшим культурным формам. Теперь в сегодняшней борьбе против различных Интернационалов и большевизма преимущественно опираются на идею нации. Следовательно, требуется оформить понятие нации так, чтобы оно

больше не означало этап той дороги, которая как раз и привела к гибели, с которой нам приходится бороться сегодня. В наших работах у нас уже был случай рассмотреть эту проблему подробнее и систематически различать два противоположных понятия нации.

Здесь мы должны ограничиться двумя словами. Согласно первой точке зрения нация означает только массу – мы намеренно используем не слово «народ», а французское слово «нация» – и она является только предлогом, чтобы упразднить всякое различие и иерархию в унижающем нивелировании. Как таковая нация появляется в западноевропейской истории на закате старых иерархических государств и как прелюдия к тому последующему нивелированию, общим знаменателем которого будет уже не нация, а Интернационал. Согласно другой точке зрения нация как определенная народная общность, напротив, имеет значение первой реакции против интернационалистической уравниловки: она уже воплощает принцип различия, который нужно разрабатывать в последующей внутренне-народной разумной структуризации и иерархии. Тогда речь идет больше не о нации, а скорее об империи в традиционном смысле.

8) Тактика путаницы принципа с его представителями. – Во многих отношениях предпосылкой упадка традиционных учреждений является упадок их руководителей и представителей. Тем не менее, настоящий распад и разрушение делаются возможными с помощью тактики путаницы принципа с личностью, и это представляет собой следующее оружие тайной войны. Если представитель определенного принципа кажется недостойным, то в процессе против этого представителя выступают одновременно или даже существенно против принципа самого по себе; во всяком случае, принцип также втягивают в этот процесс. Вместо того, чтобы ограничиться тем, чтобы объявить того или иного представителя недостойным, недостаточно хорошим для данного

принципа, и заменить его кем-то другим, утверждают, что сам принцип неверный, пагубный и разрушительный и должен быть заменен новым принципом.

Каждый знает, что в слишком многих случаях нападки на того или другого выродившегося аристократа превращались в атаку против аристократического принципа как такового и в оружие демагогии. История богата примерами этой тактики, которой всемирное разрушение должно быть многим обязано. Иерархический порядок древнеарийского общества достиг высшей точки в господстве духовных авторитетов, которым было подчинено воинское дворянство, затем буржуазия и в конце концов рабочее сословие. Крушение этого порядка во многих отношениях осуществилось именно с помощью упомянутой здесь тактики. Воинское дворянство восстало против дегенерировавших представителей чистого духовного авторитета не для того, чтобы заменить их на других более достойных представителей того же принципа, а чтобы под этим предлогом эмансипироваться и потребовать для себя наивысшей власти. В следующей фазе или культуре третье сословие поднялось против дегенерировавшей воинской аристократии не для того, чтобы на ее место пришли настоящие аристократы и воины, а чтобы захватить власть в свои руки. В третьей фазе процесс против определенной разрушительной и отрицательной стороны капитализма и буржуазии (т.е. против третьего сословия) даже не имел своей целью соответствующей реформы, а был предлогом для бунта масс и узурпации пролетариатом постепенно опускавшейся все ниже власти: классовая борьба, Третий Интернационал, рождение большевизма.

Так как мы вынуждены ограничиться лишь несколькими примерами и сконцентрироваться, прежде всего, на изображении принципов, мы все же надеемся, что это обстоятельство не станет преградой для установления разнообразных возможностей

применения этих принципов и ценных результатов, к которым они могут привести при систематическом применении в любой области. В действительности, можно утверждать, что вряд ли найдется хоть одна сфера, в которой тайная борьба не происходила бы в том или ином виде.

Еще раз повторим, что речь здесь идет не о «философских» позициях, а об очень серьезных вещах. Мы даже убеждены, что ни один руководитель или борец фронта контрсвержения и традиции не может считаться зрелым и способным к выполнению своих настоящих заданий, пока он не выработал в себе способность ясно смотреть в этот подземный мир причин и бороться с противником тем же невидимым оружием.

Я вновь напомню вам о мифе Сионских мудрецов: по отношению к ним люди, которые понимают только «факты», подобны тупым животным. Особенно во времена, которые, как сегодняшние, являются прелюдией к последнему решению всего культурного мира, мы должны почувствовать в нас, в этой элите или в этом ордене, о котором уже так часто говорилось в наших докладах, требование пробудить способность дополнять материальную борьбу невидимой, тонкой борьбой, тайным, неумолимым знанием, которое теперь, состоит на службе не темных сил, а светлого солнечного принципа арийской духовности.